

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бабенко Л. Г.* Взаимодействие лексики и грамматики под парадигматическим углом зрения (вместо введения) // *Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой*. Екатеринбург, 1997. С. 23–24.

2. *Солнцев В. М.* Понятие уровня языковой системы // *Вопр. языкознания*. 1972. № 3.

3. *Кузнецова Э. В.* Язык в свете системного подхода. Свердловск, 1983.

© У. С. Кутяева
УрФУ

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. КОЛЯДЫ¹

К определению понятия «фольклор» существует несколько подходов. Общим для различных концепций, используемых в традиционной фольклористике, становится понимание фольклора как «народной крестьянской духовной культуры, способом функционирования и трансляции которой является устная традиция» [2]. Следует отметить, что эти признаки были заданы еще классическими работами В. Я. Проппа [6].

Однако на фоне урбанизации, особенно интенсивной в конце XX века, практики крестьянской жизни становятся все менее актуальными, зато происходит развитие городского культурного пространства, которое активно порождает собственные речевые формы, близкие к фольклорным. Стремясь подвести единую методологическую базу под феномены, имеющие сходную природу, но отличающиеся средой функционирования, ряд современных исследователей подходит к расширительной трактовке понятия «фольклор», определяя его через связь с бытовыми практиками, принятыми в обществе (см. работы А. В. Костиной [2], С. Неклюдова [5], К. В. Чистова [7], Л. Г. Ядрышниковой [8]).

Так, Л. Г. Ядрышникова выделяет несколько стадий развития фольклора, каждой из которых соответствует определенный *исторический тип повседневности*. И если, например,

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых в рамках реализации программы развития УрФУ.

в течение «религиозной эпохи» происходит складывание «классической формы фольклора, превращенного в формулу постоянного символического обращения к сакральному», то в условиях урбанизации, когда место сакрального занимает повседневность, фольклор «маргинализируется, переходит в сферу досуга» [5: 18–19].

Другой исследователь, К. В. Чистов, определяет фольклор функционально, «как совокупность вербальных или вербально-невербальных структур, циркулирующих в бытовой практике» [4: 303]. Именно такое понимание фольклора взято за основу настоящего исследования.

Следует отметить, что в условиях городской жизни, с ее все ускоряющимся темпом, наиболее востребованными оказываются, прежде всего, малые жанры фольклора — паремии, сентенции на злобу дня, шутки, анекдоты, тосты, считалки, прибаутки, скороговорки. Для них не характерны свойственные традиционным фольклорным текстам эпичность, повторы, параллелизм, сказовость, напевность [1: 373].

Феномены, имеющие фольклорную природу и распространенные в речевой практике горожан, широко представлены в творчестве Н. В. Коляды. Среди таких феноменов — многочисленные пословицы и поговорки, отнесение которых к городскому или сельскому фольклору оказывается затруднительным в силу их универсальности. Так, герои Коляды постоянно обращаются к народной мудрости, которая, будучи облеченной в совершенную, годами выработанную форму, также нередко подкрепляется авторитетом родителей:

М и ш а (*вздыхнул*). Бедному Ванюшке жениться — так и ночь коротка.
З и н а. К чему вы это?
М и ш а. Так. Вспомнил. Мамина поговорка (...) («Мы едем, едем, едем»).

В речи героев Коляды достаточно представлены подобные тексты: *Век живи, век учись, С милым рай и в шалаше* («Мы едем, едем, едем»); *Незванный гость — хуже татарина, Стерпится — слюбится* («Полонез Огинского»); *Муж и жена — одна сатана* («МурлинМурло»).

Неподцензурностью, способностью народной культуры функционировать, «минуя институционально-организаци-

онные формы» [4: 70], определяется высокая степень свободы в содержании и способах оформления ее речевых произведений. Так, целый пласт произведений фольклора составляют тексты «низовые», выходящие за рамки литературной речевой культуры. Именно такого рода тексты наиболее широко представлены в пьесах Н. В. Коляды: это приговорки и сентенции: *Неудобно штаны через голову одевать. Неудобно на потолке спать, тоже... В почтовый ящик с.... неудобно* («Канотье»); *Что вижу, то пою. Одна палка, два струна, я хозяин вся страна, Нашел на засранца обиход!* («Полонез Огинского»), *Глаз не попа — проморгается, Хорошая мысль приходит опосля* («Полонез Огинского»); *Ибиться сердце перестало!* («Сказка о Мертвой царевне»); *Я упала с самосвала, тормозила головой!* («Мы едем, едем, едем»); перифраз на тему известного анекдота *Бабушка, выходят замуж, а я вот — вылазю* («Канотье»); частушка *Мою милую подружку положу на раскладушку! Затопчу, замучаю! Как Пол Пот Кампучею!* («Чайка спела»).

За использованием такого рода текстов стоит низкий культурный уровень большинства персонажей Коляды. Но с другой стороны, здесь угадывается и стремление автора показать любовь русского человека к «красному словцу», творчеству в пространстве речи. Н. Л. Лейдерман видит за подобными речевыми феноменами проявление «витальной энергии», «жизненного азарта», считает их способом «самореализации и самоутверждения», которым активно пользуются герои Н. В. Коляды [3: 54–55].

Внеинституциональный характер народной культуры делает ее и своеобразным индикатором социальной жизни общества. Так, любые значимые для общества изменения находят отражение в речевых произведениях различных фольклорных жанров. Например, изменение ценностных ориентиров периода 90-ых отражено в анекдоте, представленном в пьесе «Мы едем, едем, едем...»: *«просыпается девица рано утром, с бодуна, смотрит, а вокруг нее на постели три мужика голых спят. Девица закурила и говорит: «Ах, видела бы моя мама, что я курю!»*.

В речи персонажей Коляды присутствуют и анекдоты «на злобу дня», где высмеиваются некоторые реалии советской жизни. Так, например, в пьесе «Мурлин Мурло», написанной

в 1989 году, встречаем анекдот перестроечной эпохи, где явно выражается негативное отношение к власти:

И н н а . [о жене М. Горбачева] (...) А еще анекдот про нее рассказывают: стоит Равиля, плачет. Ее спрашивают: «Ты чего?». А она говорит: «Талон на сахар потеряла!» (...).

А в пьесе «Чайка спела» один из персонажей рассказывает такой анекдот: «...у чукчи спрашивают: «Где вы были в ночь с третьего апреля на четвертое сентября?» В КГБ спрашивают» («Чайка спела»).

Нередки в пьесах Коляды и обращения к народным песням. Среди последних — «По диким степям Забайкалья...», «А мы просо сеяли, сеяли», «Дубинушка» («Полонез Огинского»). В пьесе Н. В. Коляды «Канотье» интересен случай игрового использования фрагмента известного городского романа: «Крутится, вертится шар голубой» («Канотье»):

В и к т о р (*ходит по комнате*). Так-так-так-так-так. Значит, это тот самый Вадик, который, когда мы у тебя выпивали, жал мою ногу под столом?

К а т я (*молчит*). Не ври, Сухинин. Не ври.

В и к т о р . Так-так-так-так.

К а т я . Не ври. Не жал. Он перепутал с моей.

В и к т о р . Так-так-так-так. Крутится, вертится шар голубой...

Существующая в современном языке двусмысленность использования слова «голубой» позволяет вовлечь прецедентное высказывание в новый, изначально нетипичный для него круг смыслов.

Однако для большинства фактов воспроизведения отдельных строк или целых фрагментов (куплетов) народных песен характерно сохранение их мелодического оформления, что находит отражение на графическом уровне и нередко подтверждается ремарками. Так, например, в пьесе «Канотье» один из героев исполняет песню «По диким степям Забайкалья» в качестве застольной:

В и к т о р . Нет! В следующий раз — обязательно! Но сегодня — мой день рождения и потому... И потому... (*Взял Викторю за руку, смотрит ей в глаза, тихо поет.*)

По диким степям Забайкалья...

Где золото роют в горах...

Бродяга, судьбу проклиная...

Тащился с сумой на плечах...

Отдельный пласт фольклорных произведений в пьесах Коляды занимают тексты, созданные детьми или для детей. Эти тексты реализуют специфическую систему ценностей и представлений о мире, характерную для детского сознания. Как важнейшие черты этого сознания можно выделить следующие: особое восприятие действительности (внешняя алогичность, наличие нестандартных связей между явлениями), внеидеологичность, образность, установка на игру.

В пьесах Коляды представлены и считалки — *«Кто вперед — тому красный самолет, кто второй — тому конь боевой, кто третий — в позолоченной карете...»* («Мы едем, едем, едем»), *«Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана...»* («Полонез Огинского»), и детские приговорки — *«Сегодня воскресенье, девочкам печенье, а мальчишкам-дуракам толстой палкой по бокам»* («Мы едем, едем, едем»), *«Божья коровка, улети на небо, там твои детки, кушают конфетки, всем по одной...»* («Сказка о Мертвой царевне»), и дразнилки — *«Обезьяна Чи-чи-чи продавала кирпичи!»* («Канотье»), *«Мотоцикл-цикл! Всю дорогу обо-си-кал! Самосвал-вал-вал, всю дорогу обо...»* — («Чайка спела»), и скороговорки — *«Кукушка кукушонку купила капюшонку»* («Полонез Огинского»).

Интересно, что в рассматриваемых пьесах Н. В. Коляды нет ни одного героя-ребенка. «Взрослые» персонажи — как, например, Миша и Нина из пьесы «Мы едем, едем, едем», Таня из пьесы «Полонез Огинского», — словно бы прячутся от окружающего их жизненного хаоса за привычным и безопасным миром веселых песенок, считалок, стишков. Характерно, что при этом герои «разочарованные» (Дима из пьесы «Полонез Огинского») и герои, стремящиеся «устроиться» в жизни любой ценой и отвергающие прежние, советские, ценности (Зина из пьесы «Мы едем, едем, едем», Виктория из пьесы «Канотье»), почти не вспоминают о своем детстве.

Следует отметить, что отсутствие обращений к произведениям фольклора для героев Коляды в целом симптоматично и является знаком их духовной ущербности. Так, полностью лишенная отсылок к фольклорным текстам и избыливающая канцеляризмами речь Алексея (пьеса «МурлинМурло») подчеркивает несостоятельность его миссионерских порывов — и

к финалу пьесы, не выдержав испытания суровой жизнью отечественной провинции, герой из «спасителя» превращается в подлеца. Подобным же образом в пьесе «Сказка о мертвой царевне» интеллигентность банкира Максима при столкновении лицом к лицу с «дном» жизни обнаруживает свою поверхностность — и в его речи также наблюдается отсутствие обращений к текстам живой народной культуры. Напротив, для Виктора (пьеса «Канотье»), интеллигента с большой буквы, чувствующего свою связь с национальным прошлым, характерно постоянное обращение к фольклорным текстам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Грушевицкая Т. Г.* и др. Словарь по мировой художественной культуре : учеб. пособие для студ. средн. и высш. пед. учеб. заведений / под. ред. А. П. Садохина. М., 2001.
2. *Костина А. В.* Традиционная культура: к проблеме определения понятия [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/#_ednref34 (дата обращения: 05.06.2012).
3. *Лейдерман Н. Л.* Драматургия Николая Коляды : критический очерк. Каменск-Уральский, 1997.
4. *Михайлова Н. Г.* Народная культура // Культурология. XX век : энци. : в 2 т. Т. 2. СПб., 1998.
5. *Неклюдов С.* Фольклор после фольклора // Знание — Сила. 2010. № 7 [Электронный ресурс]. URL: http://www.znanie-sila.ru/?issue=articles/issue_1531.html&g=1 (дата обращения: 04.06.2012).
6. *Пропи В. Я.* Русские аграрные праздники : (Опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963.
7. *Чистов К. В.* Фольклор // Культурология. XX век : энци. : в 2 т. Т. 2. СПб., 1998.
8. *Ядрышникова Л. Г.* Фольклор и постфольклор в культурных практиках повседневности : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2008.

© М. Ю. Мухин, Т. В. Цыганов
УрФУ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА КАТЕГОРИЮ ВОПРОСИТЕЛЬНОСТИ: ВОПРОСНО- ОТВЕТНЫЕ СЕРВИСЫ В ИНТЕРНЕТЕ

1. Исходные теоретические положения: вопросительные предложения и вопросы

Вопрос и вопросительное предложение соотносятся друг с другом как две стороны языкового знака, проявляющего